то, что и въ старину было много дурного, но не было еще способности сознавать это дурное [1]).

Самъ онъ всегда предпочиталъ смотрѣть впередъ; на сторонѣ борцовъ за лучшее будущее были его симпатіи; на прогрессъ русской жизни возлагалъ онъ свои надежды. Стремленія передовыхъ людей его времени были ему извѣстны, и онъ самъ переживалъ въ своей душѣ ихъ волненія и заботы. Онъ свято хранилъ память о декабристахъ. Стаховичъ разсказываетъ: „иногда сидитъ задумавшись Щепкинъ и тихо начнетъ произносить:

„Во глубинѣ сибирскихъ рудъ
Храните гордое терпѣнье...

и не иначе какъ со слезами кончитъ:

Какъ въ ваши каторжныя норы
Доходитъ мой свободный гласъ“ [2]).

Въ дореформенную пору Щепкинъ являлся, такъ сказать, ходячимъ протестомъ противъ крѣпостного права. И онъ смѣло развивалъ свои эмансипаціонныя идеи среди наиболѣе крѣпостнически настроенныхъ слушателей, напримѣръ, въ англійскомъ клубѣ, гдѣ его рѣчи на эту тему иногда вызывали рѣзкое неудовольствіе; мы имѣемъ разсказъ и о томъ, какъ однажды на водахъ два генерала обратились къ Щепкину съ вопросомъ, отчего иностранные артисты держатся на сценѣ гораздо свободнѣе русскихъ, а Щепкинъ отвѣтилъ на это изумленнымъ отъ неожиданности генераламъ филиппикой противъ крѣпостного права и кончилъ словами: „снимите крѣпостное иго, и мы станемъ развязны и свободны“ [3]).

Когда, съ приближеніемъ „эпохи великихъ реформъ“, пошли толки о своевременности различныхъ перемѣнъ въ русскихъ порядкахъ, о внесеніи большей свободы въ разныя области русской жизни, Щепкинъ горячо привѣтствовалъ эти признаки общественнаго оживленія, и съ его стороны это было не поверхностное увлеченіе, а лишь продуманное примѣненіе итоговъ долгаго жизненнаго опыта. До насъ дошло одно инте-

---

[1]) Записки М. С. Щепкина, глава IX.
[2]) *Стаховичъ*. Клочки воспоминаній.
[3]) *Шубертъ*. Моя жизнь, стр. LIX.